16/08/2022

Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на памятном вечере, посвященном 100-летию мученической кончины святителя Вениамина, митрополита Петроградского

13 августа 2022 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл посетил памятный вечер, посвященный 100-летию мученической кончины святителя Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского, в Большом зале Санкт-Петербургской академической филармонии им. Д.Д. Шостаковича. Предстоятель Русской Церкви обратился к участникам собрания с Первосвятительским словом.

Хотел бы поразмышлять с вами на тему столетия мученической кончины владыки митрополита Вениамина. Мы собрались с вами сегодня для того, чтобы почтить память этого выдающегося иерарха Русской Православной Церкви — человека замечательного, доброго, отзывчивого, скромного. Он был действительно очень доступен для людей, вел себя просто, и рассказывают о

таком случае из его жизни. Владыка любил гулять в садике Александро-Невской лавры, и однажды, когда он там прогуливался, вдруг появился Александр Введенский, один из зачинателей обновленческого движения, и с ним группа «товарищей». Александр Введенский подходит к владыке и говорит: «Благословите, владыка!» Но митрополит Владимир его не благословил, а сказал: «Отец Александр, а Вам это не напоминает Гефсиманский сад?» Тогда те, кто пришел вместе с Введенским, и арестовали владыку…

Конечно, говорить о митрополите Вениамине можно очень много, даже о достаточно спокойном времени его служения в Петербурге. Он действительно был, выражаясь обыденным человеческим языком, очень популярен. Его любила петербургская паства — за простоту, отзывчивость, готовность обсуждать и с духовенством, и с мирянами их проблемы. Но в связи с принятием известного постановления коммунистического правительства о сопротивлении изъятию церковных ценностей этот замечательный человек, выдающийся иерарх Русской Православной Церкви, был обвинен в том, что якобы сопротивлялся изъятию этих ценностей, и в ночь с 12 на 13 августа 1922 года расстрелян на окраине Петрограда.

Говоря об этой истории, необходимо вспомнить и о тех, кто был вместе с владыкой. Это замечательные люди: архимандрит Сергий (Шеин), адвокат Ковшаров, профессор Новицкий; и все они были расстреляны вместе с митрополитом Вениамином. А для того чтобы всё это оформить юридически, был проведен суд — в том самом помещении, где мы с вами в таком множестве собрались. И я хотел бы процитировать слова владыки Вениамина, которые он здесь произнес, обращаясь к суду: «Что бы вы ни провозгласили, приму как волю Божию. Слава Тебе, Господи Боже, за всё!»

Даже в этот трагический момент, когда владыка понимал, что его жизнь заканчивается, он нашел правильные слова, слова пастыря. Слова не искусственные, не декларативные, но проистекавшие из его убеждений, из его сердца, из его веры. А за несколько дней до расстрела митрополит Вениамин написал: «Трудно, тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует и утешение от Бога». Страдание всегда воспринимается как нечто тяжелое — то, что наносит ущерб человеческой психике и здоровью. Но владыка увидел в страдании действие избыточествующей Божией благодати. Из его слов следует, что чем тяжелее человеку, который страдает за Христа, за правду Божию, тем больше действует Божественная благодать.

Вспоминая сегодня события того страшного времени, нам следует еще и еще

раз обратиться к личности владыки Вениамина, чтобы понять весь ужас происходивших процессов, которые взбудоражили нашу великую, но в то время такую несчастную страну. Когда по ложным обвинениям, под надуманными предлогами верующих подвергали гонениям, пыткам, лишению имущества, здоровья, часто — самой жизни. Но в трудные времена Господь дает Своей Церкви особых людей, обладающих большой силой духа, способных вести за собой народ, подающих пример жертвенного служения Христу и ближним. Владыка Вениамин и был таким архипастырем, настоящим Божиим человеком — вот как можно было бы его охарактеризовать.

Он стал правящим архиереем в Петрограде в смутное, очень тревожное для нашей страны время — сразу после Февральской революции 1917 года, и воспринял жребий нового служения со свойственным ему горением сердца и ревностью, сознавая тяжелейшую ответственность, которая ложилась на его плечи. Народ искренне полюбил своего архипастыря. Он был удивительным человеком, и многие отмечали его евангельскую простоту в обращении, кротость, отзывчивость, любовь к людям вне зависимости от их знаний и убеждений. А ведь последнее было особенно важно для того тревожного времени, когда страна буквально бушевала, охваченная политическими страстями, когда политические взгляды становились преградой для нормального человеческого общения. Люди уже не могли общаться со своими политическими противниками, а вот владыка умел, поверх этих человеческих преград и конфликтов, по-доброму относиться ко всем вне зависимости от их взглядов — особенно к своей пастве, среди которой в то время тоже были разные люди.

Став митрополитом Петроградским, владыка принялся устраивать приходскую жизнь, что в годы повсеместной разрухи, уже начавшихся жестоких гонений на Церковь и репрессий против духовенства само по себе было делом чрезвычайно нелегким и опасным. Возвышая голос против творимых властью беззаконий, владыка Вениамин стремился защищать, насколько это было в его силах, своих пасомых. Когда же в 1922 году государство начало кампанию по изъятию церковных ценностей якобы на нужды голодающих, митрополит Вениамин без колебаний согласился передать властям ценности, не имеющие богослужебного употребления. Однако вовсе не это было истинной целью богоборцев. Воспроизвожу по памяти слова господина Ульянова, известного также как Ленин: «Чем больше мы расстреляем по этому делу реакционного духовенства, тем лучше». Может быть, в каких-то словах я ошибся, но Ленин сказал именно это. Изъятие ценностей было поводом для уничтожения духовенства, потому что

большевики (которые, кстати, в церковно-приходских школах учились и многие вещи из церковного обихода знали) хорошо понимали, что значат для верующих людей Святая Чаша, евхаристические сосуды, чудотворные иконы. Они ясно осознавали, что человек верующий, православный не сможет безразлично отнестись к изъятию, то есть кощунственному обращению со святынями. А потому были готовы расстреливать по этому поводу людей — «чем больше, тем лучше».

После организованной провокации митрополит Вениамин был арестован вместе с другими верующими и духовенством. Как я уже сказал, это произошло в Александро-Невской лавре при содействии иуды — будущего обновленческого «митрополита» Введенского. Именно там владыка был арестован и заключен в темницу. Он находился под сильнейшим давлением следственных органов, вынуждавших его дать ложные показания на себя и на других невиновных людей. Ведь была поставлена цель оклеветать владыку, облить грязью, чтобы на последующих допросах утверждать, будто «митрополит во время следствия сказал, что ты делал то-то или то-то». Владыка Вениамин сознавал, насколько опасно допустить хоть какое-то слово, которое могло бы бросить тень на его собратьев, на верующих людей, и поэтому очень мужественно вел себя на допросах. Даже пребывая в заключении, он сохранял внутреннее спокойствие, мужество и твердость духа. Перед вынесением решения суда митрополит Вениамин произнес поразительные слова, свидетельствующие о глубине его веры и силе его христианского упования. Цитирую: «Я не знаю, что вы объявите в приговоре, жизнь или смерть, но что бы ни было, я с одинаковым благоговением обращу очи горе, возложу на себя крестное знамение и скажу: слава Тебе, Господи Боже, за всё!» И ведь это не поза. Иногда люди говорят сильные, яркие слова либо в надежде на то, что кто-то им поможет, либо в надежде, что это будет многими услышано. Однако он говорил это не для кого-то — он говорил это для самого себя и для самого ближайшего круга тех, кто мог эти слова слышать.

В одном из своих посланий апостол Павел пишет, что истинные плоды духа — любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. 5:22-23). Взирая на подвиг митрополита Вениамина, в простоте сердца служившего Богу и не убоявшегося подтвердить свою верность Христу и Его заповедям даже до смерти, мы можем свидетельствовать, что владыка действительно обладал этими бесценными качествами, о которых пишет апостол Павел. И сегодня мы с благоговением вспоминаем духовный подвиг митрополита и вместе с ним — подвиг многих

тысяч новомучеников и исповедников Церкви нашей.

Гонения на Церковь Православную, открывшиеся более века назад, были уникальны по своему характеру. Читая описания страданий древних мучеников, мы часто обращаем внимание на публичность происходящего, а также на проявления взаимной любви христиан, которые разделяли страдания друг с другом. Более того, некоторые из них были служителями тем, кто находился в узах, — как сказано в послании апостола Павла, непрестанно памятуя дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа (1 Фес. 1:3). То есть люди, руководствуясь высокими идеалами христианства, оказывали бескорыстную помощь нуждающимся и страждущим.

А вот в начале XX века ситуация была принципиально иная. Гонители римской эпохи, хоть и были язычниками, но все-таки во что-то верили, какая-то система ценностей ими признавалась, и, конечно, еще была жива великая античная культура. А вот репрессивная машина атеистического государства действовала в совершенно ином контексте и работала системно и методично, пытая и убивая людей. Верующий радикально изолировался от общества, ему непрестанно внушались мысли о том, что религия, которой он служит, — это пережиток прошлого; что никакой религии больше не будет и те, кто верит, будут отторгнуты народом. Церковь настойчиво очернялась как оплот контрреволюционного движения: «народ за революцию, за равенство, братство, свободу; а Церковь вместе с реакционерами, то есть против равенства, против братства, против свободы».

Это мы, родившиеся десятилетиями позже, знаем, что все эти лозунги не имели никакого отношения к реальности. Но народ-то ими вдохновлялся, воспринимая всё за чистую монету! Считалось, что муки, страдания и даже смерть, имевшие место в гражданскую войну, — всё это происходит во имя высочайших нравственных идеалов. Конечно, сохранить в таких условиях преданность делу Божиему было чрезвычайно трудно. Однако столетие назад наши соотечественники и духовные предшественники, подобно первым христианским мученикам, остались ревностными исполнителями Божественного призыва: будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни (Откр. 2:10).

Мы, христиане века XXI, призваны быть преемниками наших замечательных отцов и дедов, которые в тяжелейшие времена самого, наверное, страшного гонения на Церковь за всю историю человечества, став новомучениками и исповедниками, сохранили веру и воспитали в ней своих детей и внуков. Нам

необходимо помнить слова апостола Павла: Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их (Евр. 13:7). Именно поэтому наша Церковь предпринимает столь серьезные усилия по увековечиванию памяти о подвиге новомучеников и исповедников XX столетия, и сегодняшнее событие — еще один шаг на этом пути. Дай Бог, дорогие мои, чтобы мы, следуя имеющимся примерам, всегда были готовы ревностно стоять в истине Христовой, являть твердость в хранении веры, преданность Церкви Божией и ее учению. И, может быть, память о новомучениках поможет нам быть верными не в условиях гонений, а среди тех соблазнов, которые обрушивает на нас современная безбожная цивилизация. Иметь силу противостоять тому, на чем спотыкается огромное количество людей, — я имею в виду нравственную основу жизни, исполнение Божиих заповедей, всё, что касается вопросов, связанных с браком, с человеческими отношениями, да и вообще со всем тем, что может быть покрыто таким великим понятием, как любовь к ближнему. Дай нам Бог оставаться твердыми в нашем уповании, в нашей вере. И будем крепко молиться, чтобы предстательством святых мучеников и исповедников Церкви нашей Господь приклонил милость Свою к народу нашему, к Отечеству нашему, к Церкви нашей. Потому что все мы, как мне кажется, вошли в очень непростую эпоху. Никто не знает, как будут развиваться события, но, чем сильнее духом, чем сильнее в вере мы будем, тем легче могут быть преодолены любые трудности.

Теперь хотел бы сказать несколько слов о том, что и позже большевики не оставляли намерения ликвидировать Церковь. И поскольку не получилось «кавалерийским наскоком» сразу всех прижать, заставить порвать с Церковью, то возникла мысль: если Церковь не удалось победить извне, ее надо развалить изнутри. А что для этого нужно сделать? А для этого нужно, чтобы внутри Церкви возникли идеи, которые могли бы вызвать симпатию у части верующих. Несомненно, другая часть эти идеи не примет, верующие начнут ссориться друг с другом, возникнут расколы, разделения, и таким образом Церковь скомпрометирует себя в глазах всего народа, ее авторитет ослабнет, и можно будет ее разрушить давлением внешних сил.

Так была предпринята новая атака на Церковь. При поддержке либерально настроенного духовенства, в том числе, к сожалению, питерского, была создана так называемая «Живая церковь». А раз живая, значит, другая Церковь мертвая? Именно так и говорили: Православная Церковь умерла, она вся закостенела в быту, обрядах, традициях. В Церкви отсутствуют демократические нормы внутреннего управления, в ней нет всего того, что

было на гребне тогдашней революционной философии, и некоторые священнослужители настолько вдохновились подобными идеями, что и решили создать «Живую церковь». Естественно, государственная власть сразу их поддержала, тем более что Патриарх Тихон находился тогда под арестом, и обновленческие идеи стали достаточно быстро распространяться. Гонители Церкви решили, что выбрали правильное направление — не действовать наскоком, а предложить очень привлекательную идею, с тем чтобы она объединила часть людей, а другая часть им противостала и возник глубинный раскол, ослабляющий Церковь изнутри.

Именно так было создано обновленческое движение, и я хотел бы познакомить вас с позицией Святейшего Патриарха Тихона, но не своими словами. Бывают иногда такие чудеса: работая в домашнем архиве Патриархов Московских, которые были до меня, я нашел какую-то папочку, которую, наверное, десятилетиями не открывали. Что меня потянуло эту папочку открыть? Тоненькая такая, замусоленная, и вот я ее открываю и обнаруживаю этот документ. Видите, на какой бумаге? Даже ее размер меня поразил, еще до того, как я начал читать, — сейчас так не делают, листы бумаги теперь короче. А когда стал читать, я понял, что это тот самый документ, чтение которого каралось смертной казнью в Советском Союзе в 20-е годы. Позвольте, я вам прочитаю этот документ по подлиннику, подписанному Святейшим Патриархом Тихоном.

Божией милостью Мы, смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России, Преосвященным архиереям, благоговейным иереям, честным инокам и всем верным чадам Православной Российской Церкви мир и благословение Божие.

Более года, по обстоятельствам, всем известным, Мы были отстранены от Нашего пастырского служения и не имели возможности стоять лично у кормила правления, чтобы хранить освященные веками предания Церкви (он был тогда заключен в Донской монастырь под домашний арест). Посему, как только наступили эти обстоятельства, в точном соответствии с постановлением Собора, установившего порядок Патриаршего управления Российской Церковью, и с определением состоявшегося при Нас Священного Синода от 7 (20) ноября 1920 г. признали Мы за благо передать на время Нашего удаления от дел всю полноту духовной власти назначенному Нами Заместителю Нашему митрополиту Ярославскому Агафангелу, с тем чтобы им был созван Второй Поместный Собор Российской Церкви для суждения о высшем правлении Церковью и о других церковных нуждах, против чего, как Нам было сообщено, не возражала и гражданская власть. Митрополит

Агафангел изъявил согласие принять на себя возложенное Нами поручение. Но по причинам, от него не зависящим, он не мог приступить к выполнению своих обязанностей (его не выпустили в Москву, он не мог из Ярославля выехать).

Этим воспользовались честолюбивые и своевольные люди, дабы войти во двор овчий не дверьми, но прелазя инуде (Ин. 10:1), и восхитить не принадлежащую им Высшую власть Православной Российской Церкви. 18 мая истекшего года к Нам, находящимся тогда в заключении на Троицком подворье, явились священники Введенский, Белков и Калиновский (недавно сложивший с себя сан) и под видом заботы о благе Церкви подали Нам письменное заявление, в котором, жалуясь на то, что вследствие сложившихся условий церковные дела остаются без движения, просили Нас вверить им канцелярию Нашу для приведения в порядок поступающих в нее бумаг. Сочтя это полезным, Мы уступили их домогательствам и положили на их заявлении следующую резолюцию: «Поручается поименованным ниже лицам (т. е. подписавшим заявление священникам) принять и передать Высокопреосвященному Агафангелу по приезде его в Москву синодские дела, при участии секретаря Нумерова». По силе этой резолюции им было поручено лишь принять дела и передать их митрополиту Агафангелу, как только он приедет в Москву. О том же, как должны поступить они с принятыми делами, если бы митрополит Агафангел совсем не явился в Москву, никаких распоряжений Нами сделано не было, потому что самой возможности этого Мы тогда не могли предвидеть, а на то, что они сами в таком случае должны были бы заменить митрополита Агафангела и стать во главе Церковного Управления, в резолюции благословения быть не могло, так как полномочия, связанные с саном епископа, не могут быть переданы пресвитерам. Тем не менее, эту резолюцию Нашу они объявили актом передачи им церковной власти и, согласившись с епископами Антонином и Леонидом, образовали из себя так называемое «Высшее Церковное Управление» («ВЦУ»).

Чтобы оправдать это самочинное деяние, они неоднократно и в печати, и на публичных собраниях утверждали, что приступили к управлению Церковью по соглашению с Патриархом (ссылка на газету «Правда» от 21 мая 1922 года), что они составили ВЦУ согласно резолюции Святейшего Патриарха Тихона и приняли из рук самого Патриарха высшее управление Церковью (см. журнал «Живая Церковь», № 45, с. 9). На собрании 12 июня 1922 года по поводу предложения одного священника не проводить в жизнь никаких реформ, иначе как с благословения Патриарха, председатель этого собрания епископ Антонин заявил: «Так как Патриарх Тихон передал свою власть ВЦУ

без остатка, то нам нет надобности бегать за ним, чтобы брать у него то, чего в нем уже не имеется» (это заявление было опубликовано в «Известиях» 16 июня 1922 года).

Ныне же торжественно и во всеуслышание с сего священного амвона свидетельствуем, что все эти столь решительные заявления о соглашении с Нами и о передаче Нами прав и обязанностей Патриарха Российской Церкви ВЦУ, составленному епископами Антонином и Леонидом, священниками Введенским, Красницким, Калиновским и Белковым, не что иное, как ложь и обман! И что перечисленные лица овладели церковной властью путем захвата, самовольно, без всяких установленных правилами нашей Церкви законных полномочий. На таковых Святая Церковь изрекает строгие прещения: по 16-му правилу Антиохийского Собора епископ, отступивший от указанного порядка и самовольно вторгшийся в чужую епархию, хотя бы об этом просил его и весь народ, изгоняется из нее и извергается из сана за грех нарушения церковных законов. Лица, учредившие самозванное ВЦУ в Москве и повинные в этом перед Церковью, отягчили свое положение еще посвящением епископов в незаконно захваченные области, так как поставили себя под действие 31-го правила Святых Апостолов, угрожающего лишением сана как посвящающим в чужие епархии, так и посвященным ими.

И как же они воспользовались незаконно захваченной церковной властью? Они употребили ее не на созидание Церкви, а на то, чтобы сеять в ней семена пагубного раскола; чтобы лишать кафедр православных епископов, оставшихся верными своему долгу и отказавших им в повиновении; чтобы преследовать благоговейных священников, согласно канонам церковным не подчинившихся им; чтобы насаждать всюду так называемую «Живую Церковь», пренебрегающую авторитетом Вселенской Церкви и стремящуюся к ослаблению церковной дисциплины; чтобы дать торжество своей партии и насильственно, не считаясь с соборным голосом всех верующих, осуществлять в жизни ее желания.

Всем этим они отделили себя от Единого Тела Вселенской Церкви и лишились благодати Божией, пребывающей только в Церкви Христовой. А в силу этого все распоряжения не имеющей канонического преемства и незаконной власти, правившей Церковью в Наше отсутствие, недействительны и ничтожны! А все действия и таинства, совершаемые отпавшими от Церкви епископами и священниками, безблагодатны, не имеют силы, и верующие, участвующие с ними в молитве и таинствах, не только не получают освящения, но и подвергаются осуждению за участие в их грехе.

Сильно терзалось сердце наше, когда доносились до Нас смутные известия о церковных нестроениях, возникших в Церкви после Нашего устранения, о насилиях самочинного и самозванного «живоцерковного» правительства, о возникновении и борьбе партий, о духе злобы и разделений там, где должен веять дух любви и братского единения. Но Мы ничем, кроме келейной молитвы, не могли содействовать умиротворению Церкви и уничтожению в ней этой пагубной распри, пока не получили свободы.

Ныне же, выйдя из стен заключения и ознакомившись подробно с положением церковных дел, Мы снова восприемлем Наши Первосвятительские полномочия, временно переданные Нами Заместителю Нашему митрополиту Агафангелу, но им по не зависящим обстоятельствам не использованные, и приступаем к исполнению Своих пастырских обязанностей, моля усердно Владыку Церкви, Господа нашего Иисуса Христа, да подаст Нам силы и разумение к устроению Церкви Своей и к водворению в ней духа любви, мира и смирения. Вместе с этим Мы призываем всех епископов, иереев и верных чад Церкви, которые в сознании своего долга мужественно стояли за богоустановленные порядки церковной жизни, и просим их оказать Нам содействие в деле умиротворения Церкви своими советами и трудами, а наипаче молитвами Создателю всех и Промыслителю Богу. Тех же, которые волею или неволею, ведением или неведением поползнулись в настоящем веке лукавствия и, признав незаконную власть, отпали от церковного единения и благодати Божией, умоляем сознать свой грех, очистить себя покаянием и возвратиться в спасительное лоно Единой Вселенской Церкви.

Благословение Господне да будет со всеми вами, молитвами Богородицы и Приснодевы Марии, святых отец наших Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Гермогена, святителей Московских, чудотворцев, и всех святых Российской земли, от века Богу угодивших. Аминь.

Смиренный Тихон, Патриарх Московский и всея России. 15 июля 1923 года, Донской монастырь.

Вот подлинник, подписанный Святейшим. Мы сейчас прослушали это послание — кто-то внимательно, кто-то немножко уже дремлет; а ведь только за хранение этого документа, за его чтение назначался большой срок, а иногда расстрел. И мой родной дед, горячий сторонник канонической Церкви и Патриарха Тихона, прятал такие документы так, чтобы их не могли найти во время обыска. Текст, который мы с вами так спокойно воспринимаем, стоил людям жизни. Почему? А потому что Святейший Тихон полностью раскрыл правду о страшном мятеже, который был спровоцирован государственной властью и мог погубить всю нашу Церковь, если бы не твердая позиция Святейшего Патриарха и наших отцов, которые не убоялись ни заключения, ни расстрела. Обновленчество было хорошо продуманной атакой безбожной власти на Русскую Православную Церковь, но, как показала история, никакие хитросплетения не смогли сбить нашу Церковь с канонического пути. Церковь устояла, и это, конечно, Божие чудо.

В заключение хотел бы вновь сказать, что мы, христиане XXI века, несмотря на совершенно иные проблемы и условия нашей жизни, все-таки должны как-то соотносить себя с поколением новомучеников. Мы живем в комфортных, достаточно спокойных условиях, — хотя некоторым кажется, что всё плохо, но, конечно, совсем не так, как в те страшные времена. Так когда и как мы можем соотносить себя с мучениками, исповедниками? Тогда, когда нам нужно выбирать, как поступить, — по совести, по Божиему закону или по конъюнктуре, под давлением среды: «все так делают, и как же я буду поступать иначе?»

И передо мной стоял этот вопрос, когда я в школе учился. Я не вступал ни в пионеры, ни в комсомольцы, и когда меня спрашивали, почему, я говорил: я буду первым пионером и первым комсомольцем, только позвольте мне в красном галстуке пойти в воскресенье на Литургию и причаститься. Мне говорили: нет, это невозможно. Тогда и мне невозможно красный галстук носить, отвечал я и не вступал ни в пионеры, ни в комсомольцы. И такое детское исповедание веры сыграло важную роль в моем дальнейшем формировании. Конечно, я не сравниваю себя и наше поколение с теми, кто был до нас, но, также пройдя непростыми путями, связанными с реальным исповеданием веры в советское время, я должен сказать, что твердая позиция, готовность идти до конца, не соглашаясь с давлением окружающей среды, конечно, формирует характер, укрепляет убеждения и очень

укрепляет веру.

Еще раз хочу сказать: сегодня никто не пытает, не заставляет отречься, но мы наблюдаем эту расслабленность современной жизни, этот плюрализм мнений, это отсутствие нравственной нормы. Современный либерализм проповедует, что высшая ценность — это свобода; то, что ты выбираешь, и является ценностью. И ведь по этому закону живет огромное количество людей, особенно в западных странах, и многие говорят: они там живут неплохо, может, и нам так жить? Так давайте всегда, делая какие-то умозаключения, думать о самом главном! А это наша верность Господу Христу, наша готовность жить по Божиему закону, наша готовность исповедовать нашу веру, и не только в личном плане, но и на иных уровнях. Политикам, бизнесменам, ученым — в тех областях, где они трудятся. И если мы научимся соединять наши религиозные убеждения с нашей повседневностью, с нашей повесткой дня и поставлять эти убеждения в качестве приоритетных, то мы действительно будем очень сильными — и на личном, и на семейном, и на государственном уровне.

Именно в этом зале, стены которого помнят митрополита Вениамина и пострадавших с ним мучеников, помнят беззаконный фарс в виде судебного производства и страшный смертный приговор, я бы хотел призвать всех нас по возможности актуализировать эту историческую картину. В том смысле, чтобы поставить вопрос: а вот в нынешних условиях — где я? Способен ли я пойти против мейнстрима, как теперь говорят, особенно если это течение влечет человека к греху, к соблазну? Когда грех рядится в красивые одежды, когда идет массовая популяризация греха через кинематограф, через литературу, когда все трещит — семейная жизнь и нравственные принципы в целом, когда человек становится очень слабым, подверженным влияниям извне? Мне кажется, что все мы, православные христиане XXI века, не забывая подвиг наших предшественников, должны стараться в меру наших сил подражать им — великим сынам и дочерям Русской Церкви. Благодарю вас за внимание.

patriarchia.ru